

Ю. М. СОКОЛОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И СКАЗИТЕЛЬ ЩЕГОЛЕНОК *

Несколько лет тому назад мне была предоставлена возможность ознакомиться с копией одной из записных книжек Льва Толстого. Как эта копия, так и самый оригинал рукописи произвели на меня сильнейшее впечатление, свидетельствуя о том глубоко и разностороннем интересе, который Лев Николаевич имел к мужицкому слову и народной поэзии. Передо мной открылись в наспех и неразборчиво набросанных строчках, как в самой книжке, так и во вложенных в нее листах, самые разнообразные наблюдения и мысли Толстого. Подобно другим записным книжкам, попутно описанным или охарактеризованным биографами Толстого и в этой замечательной книжке мы находим чрезвычайно пеструю картину, говорящую о том, как широко вбирал в себя Лев Толстой впечатления от жизни, литературы и науки. Здесь вы найдете заметки о природе, быте, памятные заметки об окрестных крестьянах, которым намечал Лев Николаевич свою помощь, отрывки разговоров с яснополянскими крестьянами, с арестантами тульского острога, который Лев Николаевич посетил, наброски во время заседаний суда, тут же деловые мелочи семейной жизни, списки поручений по найму гувернанток, учителей, прислуги, планы работ и чтения в связи с поэтическими замыслами, вроде замысла исторического романа из времен Петра I, выписки из прочитанных книг, отрывочные философско-религиозные размышления о боге, о правде, о добре. Но чем резко отличается данная записная книжка от других, это исключительным обилием записей лингвистического и фольклорного порядка. По этой записной книжке видно, с какой настойчивостью изучал в то время Толстой народную, крестьянскую речь.

Как мне удалось установить путем анализа рукописи, Толстой не только наблюдал, но, действительно, изучал народный язык, пытаясь, повидимому, глубоко проникнуть в тайну его строя. Он не ограничивается занесением на бумагу понравившихся ему местных ярких, образных слов, выражений, пословиц, поговорок, оборотов, он производит собственные эксперименты над словом, образуя новые слова по образцу приемов народного словообразования. Огромное количество выписок, как удастся также установить, идет из «Толкового словаря» Даля и из его же «Пословиц русского народа». Но, наряду с этим вычитанным из книги материалом, мы находим много записей непосредственно из живых уст. Без этого материала совершенно невозможно обойтись исследователям языка и стиля Толстого. Но самое замечательное в записной

* Статья принадлежит Действительному члену Украинской Академии Наук Юрию Матвеевичу Соколову (1889—1941) (из редакционного портфеля сборников «Звенья»).

книжке — запись рукою Толстого большого количества народных легенд и бытовых рассказов. Я называю этот материал самым замечательным не по пристрастию фольклориста, а потому, что здесь мы находим бесспорные и прямые источники нескольких произведений Льва Толстого.

В мою задачу не входит подробный анализ всего фольклорного богатства, схваченного Толстым и занесенного им для своей творческой памяти в записную книжку. Сейчас я остановлюсь лишь на одном из рассказов, записанных Толстым.

От кого же Толстой записал этот и другие рассказы? Просматривая записи, я невольно обратил внимание на встречавшиеся в них чисто северные обороты речи, а также немалое число столь знакомых мне географических названий Олонецкого края: Кижы, Сенная губа, Яндомозеро, Стеболокша, Толвуй и т. д. Все эти названия хорошо известны каждому читателю «Песен» П. Н. Рыбникова и «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга. Из биографии Л. Н. Толстого, составленной Бирюковым, я знал, что у Толстого в начале 70-х годов был один из известных сказителей былин Вас. Петрович Щеголенок, от которого Толстой, по словам Бирюкова, заимствовал сюжеты своих рассказов «Чем люди живы», «Три старца» и др. * Теперь при помощи записной книжки Толстого, можно более определенно установить, что именно рассказывал Щеголенок Толстому и что Толстого могло особенно интересовать в этом северянине. С другой стороны, расспросы на месте, в далеком Олонецком крае, на родине Щеголенка, произведенные мною во время экспедиции в 1926 году (за былинами) **, позволяют мне теперь подтвердить, что некоторые записи Толстого, которые лишь по догадке можно было отнести к Щеголенковским рассказам, принадлежат несомненно ему.

Скажу несколько слов о самом Щеголенке. Василию Петровичу Шевелеву, прозванному Щеголенком (родился в 1805 году), посчастливилось больше, чем кому-либо из других олонечских сказителей: исполнение им былин привлекло внимание целого ряда собирателей, записывавших от него былины несколько раз на протяжении целых 26 лет; в 1860 году от него записывал П. Н. Рыбников, в 1861 году М. Гурьев, в 1870 и 1871 гг. А. Ф. Гильфердинг, в 1873 г. П. А. Бессонов (тексты напечатаны в приложениях к «Песням» П. В. Киреевского), в 1886 году — Ф. М. Истомин (напечатано в «Былинах старой и новой записи» Н. С. Тихонравова и В. Э. Миллера за № 60). Всего было разными собирателями записано от Щеголенка 14 былин в 31 варианте. Такое длительное наблюдение над исполнением северного сказителя дало богатый материал для специальной работы о процессе поэтического творчества певцов былин и об изменениях текста в памяти одного и того же лица (см. ст. Н. В. Васильева, «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах» — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1907, кн. II). Однако, уже Гильфердинг отметил, а затем это подробно было раскрыто в названной работе Н. В. Васильева, что Щеголенок не выдерживал определенного размера в былинах, соединяя в одну былинку разнородные элементы, путал сюжеты и имена. Пел он былины «не громким, но приятным, хотя и старческим голосом» (Гильфердинг, 1—2, 288). Гильфердинг, кроме того, сообщил очень важное для нас сведение, что «Щеголенок, хотя и неграмотный, но большой охотник ходить по монастырям и слушать божественные книги; это отчасти отзывается и в тоне его былин». Повидимому, с течением времени религиозные интересы в Щеголенке усили-

* П. И. Бирюков, «Биография Л. Н. Толстого», т. II, 1921, стр. 122.

** См. мою статью «По следам Рыбникова и Гильфердинга» во II—III вып. журнала «Художественный фольклор», орган Фольклорной подсекции Литературной секции ГАХН, М. 1927.

вались. Недаром Н. В. Васильев, сравнивая варианты, отмечает к концу жизни увеличение книжных элементов в языке его былин. Уже эти сведения подтверждали правильность моей догадки, что рассказы, сохранившиеся в записной книжке Толстого (до 20 рассказов), записаны были именно от Щеголенка. Они почти все без исключения одного характера — религиозно-легендарного.

Во время указанной выше фольклорной экспедиции Государственной Академии Художественных Наук в 1926 году мне удалось найти еще более прямое подтверждение в расспросах местных жителей. Особенно я благодарен 80-летнему жителю села Сенная Губа Василию Ржановскому, с которым Щеголенок был долгое время дружен и которому рассказывал о своей жизни у Толстого.

Воспоминания В. Ржановского о Щеголенке восходят к очень раннему детству. Щеголенок был сапожником (Рыбников по ошибке назвал его портным) и своим сапожным мастерством славился на всю округу. Часто шил он сапоги и в доме Ржановских. «Вот папаша уедет куда-нибудь с требой, мамаша пойдет на беседу к соседям. Я, маленький, ложусь в постель. Василий Петрович шьет сапоги. Вдруг запоет былинку. Поет с увлечением, всё позабыв на свете». Своему поэтическому искусству отдавался Щеголенок всей душой. Многие из кижан не понимали этого увлечения; считали сказителя каким-то «балованным», т. е. занимающимся не совсем серьезным делом.

Щеголенок, по словам Ржановского, жил у Толстого в Ясной Поляне довольно долго — не один месяц. Он много рассказывал о своей жизни у Толстого, но вообще с своими рассказами и песнями не навязывался. Он говорил: «Я много наказывал побасенок Николаичу, да такие маленькие». Это вполне соответствует данным записной книжки — в ней находится 20 коротких записей. Из них В. Ржановский слышал в свое время от Щеголенка четыре: 1) об архангеле Михаиле (сюжет «Чем люди живы»), 2) Три старца, 3) Два старика, 4) Рассказ о бунте при Екатерине II кижских крестьян, не желавших записываться «под заводы».

Я прочитал Ржановскому запись Толстого легенды об архангеле Михаиле. Он подтвердил ее правильность, но добавил, что Щеголенок связывал рассказ с городом Архангельском: оттого и город назван Архангельском, что там жил архангел Михаил, работавший подмастерьем у сапожника. В легенде говорилось также, что архангел, будучи подмастерьем, не пропускал ни одного праздника, чтобы не пойти в церковь. Толстой эту подробность выпустил, что, конечно, объясняется его отрицательным отношением к церкви.

О Щеголенке подробно я расспрашивал еще двух его престарелых дочерей, исполнительниц былин и песен — Ксенью Васильевну Разбивную (63 лет) из дер. Мальково. Кижской волости, и Ирину Васильевну Федосееву (около 70 лет) из соседней деревни Боярщины, откуда был родом и сам Василий Петрович.

Ксения Васильевна, по отзывам местных жителей своим характером очень похожая на отца (остроумная, живая, наблюдательная), вспоминала, что ее отец прожил у Л. Н. Толстого целый год. Вернувшись домой, он сказал: «Ребята, я в страстную пятницу мяса натрескался у графа». И оправдывался: «Не будут же там для меня особо готовить». Василий Петрович, по словам дочери, очень любил церковное, особенно любил беседовать со своим приятелем Прокопием Кузьмичем Шубиным, который много странствовал по монастырям. Отличаясь острой наблюдательностью и метким языком. Щеголенок давал всем, кто ему встречался, очень удачные прозвища, чем очень славился в своей округе. Старшая дочь Василия Петровича вспоминала, что отец дома былин почти не пел, а все больше на стороне — там, где шил сапоги.

Точного года смерти В. П. Щеголенка никто мне не смог сказать.

Приведенных данных, мне кажется, вполне достаточно, чтобы понять, почему Толстой мог так сильно заинтересоваться северным крестьянином. В. П. был человек незаурядный, с особым строем души и ума. Богатство языка, любовь к поэтическим сказаниям, песенным и легендарным, религиозные интересы, пусть и не совпадавшие во многом с религиозными воззрениями Толстого (на Щеголенке тяготела власть церковных представлений и преданий), наблюдательность по отношению к людям и жизни, меткость и своеобразие речи — все это приковывало пристальное внимание писателя и неминуемо должно было оставить значительный след в его творчестве.

В томе «Переписки Л. Н. Толстого с В. В. Стасовым» * под №№ 10 и 11 помещены очень интересные письма Стасова от 12 августа и 5 декабря 1879 г., сообщающие, какой большой успех выпал на долю Василия Петровича в Петербурге, куда он приехал из Ясной Поляны с рекомендательным письмом Льва Николаевича.

Этими данными, сообщающими так много ценного о В. П. Щеголенке, устанавливается ошибка Бирюкова. Пребывание Щеголенка в Ясной Поляне надо отнести не к началу 70-х годов, а к лету 1879 года. Тогда становится понятным, почему записи легенд находятся в одной книжке с записями дневника Толстого, относящимися к 1880 г.

Не касаясь других записей Толстого за Щеголенком, остановлюсь только на одной из них, на мой взгляд самой важной, — записи легенды, послужившей источником наиболее известного из «народных» рассказов Толстого — «Чем люди живы».

Сначала приведу текстуальную запись, позволив себе, для удобства читателя, расставить знаки препинания и в скобках восстановить пропущенные и недописанные Толстым слова и слоги.

АРХА[НГЕЛ]

В городе родила жена 2-х дочерей и стала слаба, Господь посылает арх[ангела], вынь у родилицы душу. Арх[ангел] вышел. Родили[ца] лежат в углу, младенцы по груди плавают. Вернулся назад, — пожалел. Д[евочки] п[лавают] п[о] г[руди]. Подн[ялся] на небо. [Господь] опять посылает: «Без отца—мат[ери] вырастут, без б[ожьей] милости не выраст[ут]. Арх[ангел] исполнил, не может подняться: крылья отпали. Родилицу похоронили, дети остались. Брюхо питать надо. Пришел к мастеру и работает. Много показывать не нужно.

Год вскружился. Раз ухмылил подмастерье.

Год другой на проходе, — приходит барин: «Шей сапоги, чтоб год стояли, не кривились, не поролись» — «Можно». Опять ухмылил. Сложил кожу, скроил и шьет одним концом — босовики. Хозяин [ничего] не скаже. Утро приходит лакей, гов[орит]: «Барин кончался. Надо босовики». Арх[ангел] подает. И товар остальной. — За работу что? — «Ничего».

И третий год вскружился. Подмаст[ерье] все работает. Что спросишь — отвечает, а сам не говорит. Хозя[ин]: «Отчего, первый год проходе, ты ухмылил?» «А шли девицы» — «А что?» — «Мать родила в одном брюхе. Я не вынул души. Не послушался». Рассказ весь. Без о[тца] б[ез] м[атери] д[ети] вырастут б[ез] б[ожьей] м[илости] н[е] вырастут. И вот они выросли». «Отчего 2-ой год?» — «А барин приходил, [заказал сапоги,] ч[тобы] г[од] с[тояли], н[е] п[оролись], н[е] к[ривились], а лакей п[ришел] б[осовики], с[пришивает]». «Ну коли ты Архангел, ты ставишься на крышу и поешь». «Хорошо». «Можешь спеть Хер[увимскую]?» — «В го-

* «Переписка Л. Н. Толстого с В. В. Стасовым», Л. 1928, изд. «Прибой».

лос в $1\frac{1}{2}$ г[олоса]?» — «В полголоса запел, заколебалась мастерская, и он [хозяин] пал на коленки и руки.

Пришло воскрес[енье]. «Херув[имский] стих, как нужно, запеть.» Разинулся потолок, и подмастерье поднялся и крылья явились и остал[ось] назван[ье] Архангельск.

Сопоставляя эту запись Толстого с текстом его рассказа «Чем люди живы», мы сразу же убеждаемся в непосредственной связи рассказа с записью. В рассказ перенесена не только фабула легенды, но Толстым использованы почти все имеющиеся в ней детали, вплоть до отдельных слов и выражений. Однако, конечно, при явном желании писателя сохранить максимум того, что заключено было в устной легенде, мы не можем не констатировать яркой творческой переработки крестьянского рассказа. Установление пунктов расхождения, как в тематическом, так и в композиционном и стилистическом отношениях, мне кажется, поможет уточнить идейные и художественные устремления Толстого в то время, когда он создавал свой рассказ. Сопоставим сначала композиционное строение щеголенковской легенды и толстовского рассказа.

Схема легенды Щеголенка

- 1) Рождение двух девочек.
- 2) Миссия архангела, его ослушание и наказание.
- 3) Поступление подмастерьем к сапожнику.
- 4) Первая улыбка архангела при виде девочек.
- 5) Вторая улыбка — при заказе барином сапог.
- 6) Вопросы хозяина об улыбках и объяснение архангела.
- 7) Испытание архангела и чудесное вознесение его на небо.

Схема рассказа Толстого

- 1) Описание бедности сапожника и неудавшейся попытки его купить шубу (гл. 1).
- 2) Встреча сапожника с архангелом, первая улыбка архангела и принятие его в подмастерья (гл. 1—5).
- 3) Вторая улыбка архангела — при заказе барином сапог (гл. 6—7).
- 4) Третья улыбка архангела — при виде девочек (гл. 8—9).
- 5) Рассказ архангела о рождении девочек, о своей миссии, ослушании и наказании (гл. 10).
- 6) Объяснение архангела об улыбках (гл. 11).
- 7) Чудесное вознесение архангела на небо (гл. 12).

Одно внешнее сопоставление голых схем устной легенды и художественного рассказа уже указывает, как, при сохранении отдельных и весьма крупных частей легенды, Толстой подверг ее значительной композиционной переработке. Правда, мы не знаем всей легенды Щеголенка, до нас дошла лишь насхеп сделанная отрывочная, схематичная запись Толстого. Весьма возможно, что, пользуясь для рассказа своей записью, Толстой, обладавший колоссальной памятью на слова и бытовые детали, припомнил и то, что он от Щеголенка слышал, но не успел записать.

Но едва ли в запись не попало что-либо основное, существенное. Текст записи показывает, что Толстой производил ее, непосредственно слушая рассказ, схватывая не только сюжетные детали, но и отдельные обороты речи. Так именно обычно записываешь, торопясь поспеть за рассказчиком и заноса на бумагу все, что успеешь захватить, не прерывая быстрой речи сказителя. Щеголенок же всегда, как известно от слышавших его, говорил быстро.

Переработка композиции заключалась в следующем. Создан большой бытовой фон, отсутствующий в устной легенде, как это свойственно

огромному большинству народных устных рассказов. В фольклорных повествованиях рассказчик обычно ограничивается двумя-тремя общими замечаниями, определяющими место и время действия и ту социальную среду, в которой действие протекает. Можно категорически утверждать, что Щеголенок, действительно, мало что сказал в дополнение к записанной Толстым фразе: «в городе родила жена двоих дочерей и стала слаба». Повидимому, Щеголенок сказал в «Архангельском городе» (обычное на севере название Архангельска). Толстой прежде всего изменил обстановку: перенес действие из города в деревню, в мужицкую среду, которая была ему ближе знакома и больше интересовала его, чем жизнь городских ремесленников. Это перенесение действия в обстановку, столь внимательно изучавшуюся Толстым, дало ему возможность нарисовать яркую бытовую картину жизни деревенского бедняка и с особенной простотой и теплотой изобразить его психологию. Надо думать, что облик самого Щеголенка, занимавшегося по деревням сапожным ремеслом, крепко ассоциировался в представлении Толстого с рассказанной им легендой. По записной книжке можно установить, как глубоко старался Толстой войти в духовный мир этого северного сказителя, мастера яркой и острой народной речи, не скупившегося на задушевные рассказы о своей жизни.

Введение в качестве начальных глав бытовой картины оправдывается общей реально-бытовой установкой народных рассказов Толстого. Другие вновь включенные компоненты объясняются иными причинами. В щеголенковской легенде, вопреки правилам традиционной поэтики повествовательного фольклора, мы видим лишь двойное повторение центрального мотива — улыбки Михайлы, которая дает повод к раскрытию ангельской породы загадочного подмастерья. Толстой, повинаясь внутренним требованиям поэтического традиционного приема, доводит повторение мотива до узаконенного числа три. При этом любопытно, что по ходу рассказа Толстого Михайло должен был бы улыбаться не три, а четыре раза: не только когда хозяйка вдруг решила накормить бедняка, когда архангел увидел выросших девочек, наконец, когда он прозрел смерть гордого барина, но также и в начале рассказа, когда Семен сжалился над ним. Но, повидимому, не желая нарушать поэтическую традицию (троекратность повторения), Толстой в этом случае ничего не сказал об ангельской улыбке, а ограничился описанием чудесного взгляда Михайлы: «Подошел Семен вплоть, и вдруг как будто очнулся человек, повернул голову, открыл глаза и взглянул на Семена. Ис этого взгляда полюбился человек Семену». И дальше: «И как подумает о Матрене, скучно станет Семену. А как поглядит на странника, как он взглянул на него за часовней, так взывает в нем сердце». Таким образом, троекратность улыбки — можно утверждать — вполне обдуманый Толстым прием. Но поддержан он, думаем, не только соображениями композиционной стройности.

Толстой воспользовался щеголенковской легендой для того, чтобы высказать при ее помощи одну из тех идей, которые в то время особенно его волновали: идею о любви, как главном содержании жизни. На вопрос «чем люди живы», Толстой отвечал: «любовью». В устном рассказе Щеголенка можно уловить две основные мысли: мысль о божьем провидении, которое недоступно даже ангельскому, не только человеческому пониманию (эпизод с сиротками-девочками, выросшими без отца-матери, но с божьей милостью), и мысль о невозможности человеку знать свою судьбу (не дано было барину знать, что к вечеру он умрет). Эти темы очень характерны для северного крестьянина, жившего в атмосфере церковных староверческих сказаний о божьем промысле, о божьей власти, о бренности человеческой жизни, о ничтожности человеческого знания.

Щеголенок очень кратко упоминает, что девочки-сиротки выросли; подробно рассказывать об их судьбе, воспитании, жизни народному рассказчику было не к чему: важен был только результат, указание, что провидение божье было право.

Толстой же дал подробное, мотивированное опять-таки в реально-бытовом плане, описание, как и кем были воспитаны и взлелеяны девочки-сиротки. Центр внимания, согласно основной идее автора, был перенесен на описание душевных движений, а не на утверждение непостижимости судьбы человеческой. Отсюда бытовые и психологические подробности, отсутствующие в устном рассказе. Отсюда анализ душевных колебаний Семена и Матрены, отсюда поддержка с внутренней психологической стороны троекратного описания улыбки ангела: введен эпизод улыбки ангела при виде доброты Матрены.

Цитаты из Евангелия, приведенные в качестве эпиграфа, говорят о любви к людям и богу как самом главном в человеческой жизни. Вот, по мыслям Толстого, «чем люди живы». Понятно становится, почему центральный мотив легенды — эпизод с умирающей родильницей, приведший ангела к послушанию божьего веления, у Толстого композиционно с первого места перенесен к концу рассказа (гл. 10). Так само строение рассказа тесно связывается с его авторским толкованием. Мужичкое истолкование его Щеголенком было значительно проще. Психологическое насыщение, настойчивое морализирование, реалистическое оформление — шли от Толстого-мыслителя, проповедника и психолога-аналитика.

Характерно и различие трактовки отдельных эпизодов, например заключительного эпизода — чудесного вознесения архангела на небо. У Щеголенка по-мужицки просто: хозяин хочет удостовериться, действительно ли его подмастерье архангел: «Ну, коли ты архангел, ты ставишься на крышу и поешь». — Хорошо. — «Можешь спеть херувимскую?» — «В голос или вполголоса?» — «Вполголоса». — Запел, заколебалась мастерская, и он [хозяин] пал на колени и руки». Тут все определено с мужичьей точки зрения: если архангел, то должен прекрасно петь, конечно должен петь херувимскую и, без сомнения, громче, чем люди, на то он и архангел. От архангельского гласа человек пал на колени и на руки, подобно тому, как в былинах князь Владимир от пошвиста соловьиного. Далее самый конец легенды: архангел вознесся в воскресенье, повидимому во время пения херувимской. Крестьянский рассказчик не мог отделаться от церковной мифологии: им владели привычные образы. Толстой значительно более ригористично и рационалистично передает тот же эпизод. Семен не испытывает ангела тем наивным способом, как в легенде. Самая сцена ангельского вознесения передана более обще, без специфической церковно-мужицкой мифологичности, но с значительной стилизацией под библейскую речь; херувимская церковная песнь даже не упомянута (в соответствии с антицерковностью Толстого). «И обнажилось тело ангела, и оделся он весь светом, так что глазу нельзя было смотреть на него; и заговорил он громче, как будто не из него, а с неба шел голос... И запел ангел хвалу богу, и от голоса его затряслась изба. И раздвинулся потолок, и стал огненный столб от земли до неба, и попадали Семен с женой и детьми на землю. И распустились у ангела за спиною крылья, и поднялся он на небо».

Так расходились в разных направлениях образы, создавшиеся в творчестве неискушенного в психологическом анализе крестьянского рассказчика, искавшего в легенде выражения своих дум о силе непостижимой власти, господствующей над человеком и его судьбой, и образы писателя-мыслителя, сосредоточившегося на моральных и религиозных вопросах.

Говоря об использовании Толстым устной легенды, нельзя не коснуться ее чисто стилистической стороны. Повидимому, перед написанием своего рассказа Толстой внимательнейшим образом перечитал свою записку: целый ряд слов и выражений перенес он — иногда точно, иногда в перефразировке — из щеголенковского повествования в свой рассказ. «Архангел родилицу похоронил. Дети остались. Брюхо питать надо. Пришел к мастеру и работает. Много показывать не нужно». У Толстого: «И говорит Семен: — Чего ж, милая голова: брюхо хлеба просит, а голое тело одежи. Кормиться надо. Что работать умеешь?» Хотя Толстой взял поговорку, но толчок к ее введению дан был записью легенды. Своеобразное выражение Щеголенка: «г о д в с к р у ж и л с я» замечено было Толстым: шестая глава начинается словами: «День ко дню, неделя к неделе, вскружился год». Фразу барина: «Шей сапоги, чтобы год носились, не кривились, не поролись», употребленную в легенде два раза, Толстой также два раза повторяет, правда, с некоторой вариацией: «Такие сапоги мне шей, чтобы год носились, не кривились, не поролись». Отрывок легенды: «Ангел сложил кожу, скроил кожу и шьет одним концом — босовики» — Толстому приходится несколько расширить и растолковать читателю: «Скроил Михайло пару, взял конец и стал сшивать не по-сапожному, в два конца, а одним концом, как босовики шьют». Пользуясь так близко устной легендой, видимо особенно дорожа в ней отдельными оригинальными выражениями, Толстой, однако, по каким-то, надо думать, художественным, соображениям, не захотел взять одного своеобразного слова, которое в записи повторено три раза и, конечно, не могло быть не замечено Толстым. В легенде ангел не «улыбнулся», как у Толстого, а «ухмылил». «Раз ухмылил подмастерье», «опять ухмылил», «отчего, первый год проходил, ты ухмылил»... Толстой, повидимому, боялся или того, что это слово будет недостаточно понятно читателям, или того, что с этим словом будет ассоциировано не надлежащее настроение. (Слово «ухмыляться» имеет оттенок не добродушия и расположения, а хитрости или «себе на уме»). Речь своих народных рассказов Толстой старался строить без строгой диалектологичности, во избежание неясности для читателя.

Любопытно, что в тех же направлениях Толстой перерабатывал другой сюжет, заимствованный тоже у Щеголенка, — рассказ «Два старика». То же стремление ввести в фабулу реалистически-бытовую обстановку, то же сокращение элементов традиционно-церковной чудесности, то же углубление, а местами привнесение философски-этических тенденций, то же внедрение библейского стиля и библейского текста.

В заключение нельзя не отметить крайне долгой живучести в памяти Толстого впечатлений и рассказов, воспринятых от Щеголенка. Иногда их влияние сказывалось на таких произведениях, которые как будто бы совершенно далеки от народно-поэтических мотивов. Например, религиозно-полемический этюд Толстого «Разрушение ада и восстановление его», написанный в 1902 году, направленный против исторических церквей и духовенства, своей несправедливой жизнью и учением как бы восстановивших разрушенный Христом ад, вправлен в сюжетную рамку, подсказанную также одной из легенд Щеголенка. В записной книжке Толстого среди щеголенковских легенд есть одна, в которой говорится: «Иоанн пришел. Свет в аду. От света свет, а свет будет. Идет спаситель. Сторона ада отвалилась. Ад в разрушении. В аду стал свет. «Грядите за мною», — говорит спаситель. Сатана песнь, музыку, пляски завел. Тронулось. Ад застонал. «Не стони, ад (говорит спаситель): будешь наполнен попами, дьяками, неправедными судьями».